

Т. Г. Владыкина. Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1999. 44 с. [Отзыв]

Фольклористика на данном этапе своего развития представляет собой, пожалуй, наименее разработанную область современной удмуртской филологической науки, о чем недвусмысленно свидетельствует крайняя скудость теоретических публикаций монографического характера как по частным вопросам (по отдельным жанрам) удмуртского устного народного творчества, так и касающихся общих его проблем. В этом кроется весьма серьезнейшая опасность безвозвратной утраты многих фактов и явлений устного народного творчества, если принять во внимание то, что размывание целых пластов, жанров и произведений удмуртского фольклора (да и не только удмуртского) идет начиная с 30-х годов XX века угрожающими темпами, размывание, обусловленное, как пишет диссертантка: 1) коллективизацией крестьянских хозяйств, 2) укрупнением деревень (с. 22) и переводом многих населенных пунктов в разряд неперспективных и – что не

нашло упоминания в автореферате – 3) весьма неудачной из-за своих непредсказуемых для традиционной духовной культуры народа (в особенности сельского населения) последствий антиалкогольной кампании с запретом на многие народные обычаи и обряды (с их специфичными вербальными компонентами). В этих условиях появление любой текстовой публикации произведений фольклора или каждого теоретического исследования воспринимается с огромным воодушевлением. Сказанное, несомненно, касается и фундаментального теоретического исследования Т. Г. Владыкиной “Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров”, выполненного в отделе фольклора и литературы Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН, которое в определенных вариациях нашло печатное воплощение в серии ее статей и монографии “Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики” (Ижевск, 1998. 356 с.).

Работа на вышеуказанную тему – “Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров” – и была защищена Т. Г. Владыкиной 3 марта 1999 года на заседании Диссертационного совета Д 113.25.02 по защите докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Московском государственном открытом педагогическом университете. В качестве официальных оппонентов выступили доктора филологических наук профессора В. М. Гацак, Б. П. Кирдан и Т. А. Золотова; ведущее учреждение – кафедра русской и зарубежной литературы Московского городского педагогического университета.

Автор в данной монографии, судя по автореферату, ставит целью разработать такую глобальную проблему, как “характеристика системной целостности удмуртского фольклора в исторической ретроспекции и современном состоянии” (с. 3), что при отсутствии монографических исследований по абсолютному большинству жанров удмуртского фольклора⁸ следовало бы рассма-

⁸ Из исследований диссертационного уровня в области удмуртской фольклористики можно назвать лишь следующие: 1) *Д. А. Яшин*. Удмуртская народная сказка: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1967; *его же*. Удмуртская народная сказка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1967. 22 с.; 2) *Т. Г. Перевозчикова*. Удмуртские народные загадки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; *ее же*. Удмуртские народные загадки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т

тривать как своего рода героизм. По существу так оно и есть, однако в данном случае надежным залогом исполнения автором своей поставленной цели явилось огромное количество научных и текстовых публикаций диссертанта Т. Г. Владыкиной – в списке ее публикаций по теме диссертации значится 11 книг и 38 статей и тезисов докладов (с. 41–44). Немало способствовало этому также и то, что диссертантка в полной мере использовала как фольклорно-диалектологические публикации зарубежных финно-угроведов и отечественных этнографов-просветителей конца XIX – начала XX века (Б. Гаврилов, Т. Г. Аминофф, Г. Верещагин, Н. Первухин, Б. Мункачи, Ю. Вихманн), издательская деятельность которых в области удмуртской фольклористики составила I этап науки об устно-поэтическом творчестве удмуртского народа⁹, так и издания современных удмуртских диалектологов (В. К. Кельмаков, А. А. Алашеевой, Л. Е. Зверева (Кириллова), М. И. Федотов, Б. И. Каракулов и др.). Текстовые публикации последних, произведенные в 80–90-е годы XX столетия и до недавнего времени зачастую несправедливо игнорируемые удмуртскими фольклористами и литературоведами, были весьма высоко оценены диссертанткой¹⁰ и довольно полно использованы в ее монографии.

миров. лит. им. А. М. Горького. М., 1980. 18 с.; 3) *М. Т. Слесарева*. Сравнительная поэтика обрядовых песен восточных финно-угорских народов (Свадебные жанры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т миров. лит. им. А. М. Горького. М., 1984. 23 с.; 4) *Л. Н. Долганова*. Удмуртский детский фольклор: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Эстонии. Ин-т языка и лит. Таллинн, 1990. 16 с.; 5) *Г. Н. Шушакова*. Удмуртская волшебная сказка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; *ее же*. Удмуртская волшебная сказка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 16 с.

⁹ *Т. Г. Владыкина*. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1998. С. 9–23.

¹⁰ «Фольклорные тексты, изданные... в качестве образцов удмуртской речи, преследуют прежде всего профессиональную задачу – дать представление о разнообразии и особенностях диалектов и говоров удмуртского языка... Но для фольклористики они ценны тем, что здесь в качестве примеров представлены почти все основные жанры удмуртского фольклора» [*Т. Г. Владыкина*. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. С. 34.]. Хотя эти слова конкретно адресованы к сборникам фольклорно-диалектологических текстов В. К. Кель-

Рассматривая совокупность жанров современного удмуртского фольклора в ретроспекции и в тесной связи с породившими их ритуалами и мифологическим сознанием, и в то же время стремясь “избежать господствующего литературоведческого родового деления”, диссертантка выявила в устно-поэтическом творчестве удмуртов “три собственно фольклорных блока жанров: магические, познавательные-дидактические, развлекательно-игровые” (с. 5). В дальнейшем анализе формирования системы этих жанров, функциональной и формальной трансформации их в различные этапы своего развития вплоть до современности и посвящены, судя по автореферату, три главы диссертации Т. Г. Владыкиной.

Весьма интересной и, на мой взгляд, новаторской для удмуртской фольклористики является II глава – “Магические жанры”, включающая такие жанры сакрального характера, как заговоры, присушки, куриськоны (языческие молитвы) (с. 14–19), которые до относительно недавнего времени не могли быть объектом научного исследования в условиях доперестроечной Удмуртии. Помнится, что одна только лишь запись в полевых условиях языческих куриськонов – этих весьма специфичных и поэтически наиболее насыщенных произведений удмуртского фольклора – во время диалектологической экспедиции к татышлинским удмуртам в начале 70-х годов послужила поводом для “кровавых” разборов работы Удмуртского научно-исследовательского института в Удмуртском обкоме КПСС с последующими оргвыводами касательно директора института и “неосторожного” диалектолога.

Огромный интерес для меня представляют в этой же II главе и разделы, посвященные календарно-обрядовым песням (с. 19–23), жанровым преобразованию свадебных песен в определенные группы лирических (с. 23–28), формированию эстетической категории комического на базе ритуального смеха (с. 28–34), а также все разделы III главы (с. 34–41), посвященные формированию и функциональной нагрузке в духовной жизни патриархального общества таких жанров, как предания, поверья, приметы и др.

макова [“Образцы удмуртской речи” (Ижевск, 1981), “Образцы удмуртской речи 2” (Ижевск, 1990) и “Udmurtin murteet” (Turku – Iževsk, 1994)], однако они вполне приложимы и к таким коллективным сборникам фольклорно-диалектологических текстов, как: “Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи” (Ижевск, 1981) и “Образцы речи удмуртского языка” (Ижевск, 1982).

Хотя в абсолютном большинстве случаев я выступаю не столько как строгий ценитель, а сколько в качестве языковеда-любителя, стремящегося удовлетворить свое любопытство в одной из интереснейших областей удмуртской филологической науки – фольклористике, имеющей множество общих точек соприкосновения с диалектологией, наукой чисто лингвистической, тем не менее я считаю своим долгом выразить свое удовлетворение стилистически и научно точными фразами и предложениями автора, логичностью изложения ею теоретического материала, строгой аргументированностью выводов фактами и примерами из удмуртских (и не только) фольклорных текстов и т. д. Все это говорит, на мой взгляд, о том, что перед нами работа зрелого ученого, способного и в дальнейшем решать многие спорные, нерешенные и даже нетронутые проблемы удмуртской фольклористики.

Из замеченных мною в работе неточностей и неполноты (возможно, только с моей точки зрения) я хотел бы заострить внимание на следующих.

1. Определенные нарекания, с моей точки зрения, вызывают этимологические штудии диссертантки. Так, например, в фонетическом отношении едва ли можно вывести удм. *кыреӝ* (*кырезь, кьррӝ*) 'гусли'; 'мелодия, напев' из сочетания *кыр-/кьр-/gor-* и *өз/өз/ӧз:* финальные палатальные *-ӝ ~ -ӝ'* в удмуртском языке не возводимы к веллярному *-з* (в данном случае мы должны были получить формы типа *кырез, гьрез* и т. д.) (с. 9). В фонетическом отношении – из-за наличия в одном случае и отсутствия в другом анлаутного *к-* – этимологически не соотносимы, вопреки мнению Т. Г. Владыкиной (с. 9), формы *куй* и *уйн* 'голос, звук, окрик, крик, пение'. "Слово *пӧртмаськон...* имеет самую тесную связь со словом **орт/*урт* 'душа', 'душа-двойник'..." (с. 11). Если диссертантка в данном случае имеет в виду "этимологическую связь", то я вынужден не согласиться с ней: вышеназванные формы фонетически (да, собственно, и семантически) не возводимы друг к другу. И др.

2. Создается впечатление, что из двух компонентов – мелодии и текста – календарно-обрядовых песен первый является главенствующим: собственно приуроченные тексты весьма "недоразвиты", лапидарны, сжаты, однако при наличии определенной мелодии к этим к обрядово-маркированным текстам могут быть "притянуты" нейтральные, не имеющие никакого отношения к данному календарному празднику. Хотя автор и замечает, что

“Все определения употребляются в значении ‘напев’, ‘мелодия’, подчеркивая таким образом доминантную роль эмоционально-акустического кода обряда и отражая древнее магическое отношение не только к слову, но и к музыке (выделено мною. – В. К.)” (с. 9), все же хотелось бы подробнее ознакомиться с авторским мнением относительно того, почему мелодия имеет доминантное значение в большинстве удмуртских календарных обрядов.

3. Я теоретически не могу не согласиться с утверждением Т. Г. Владыкиной о том, что “с достаточной полнотой рассмотрено... не все существующее многообразие жанров, каждый из которых монографичен” (с. 7), да иначе и быть не могло. Однако на практике кажется, что такие наиболее популярные в современном удмуртском устно-поэтическом творчестве жанры, как лирические песни и былички, несправедливо обойдены вниманием автора монографии: о первых кое-что говорится в связи с функциональной трансформацией обрядовых песен; что же касается вторых, то об их формировании и роли в удмуртском фольклоре мало что сказано в автореферате. Между тем последние (былички и бывальщины) оказали, как мне кажется на основе известного мне эмпирического материала, существенное влияние на формирование и трансформацию удмуртского сказочного эпоса.

Высказанные мною замечания ни в коей мере не снижают научного уровня исследования Т. Г. Владыкиной “Удмуртский фольклор: Синкретизм и специфика жанров”, которое является, на мой взгляд, солидным вкладом не только в удмуртскую, но и в финно-угорскую фольклористику.

В. К. Кельмаков, доктор филологических наук, профессор (Ижевск)